

A person wearing a red cape and dark clothing stands in the foreground, looking out over a vast, snow-covered mountain valley. The mountains are jagged and covered in snow, with a winding river or path visible in the distance. The scene is set in a high-altitude, alpine environment with evergreen trees on the left.

Ghenadii Eni

Похищенная Невеста Короля

Ghenadii Alexei Eni

Похищенная Невеста Короля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71852488

SelfPub; 2025

Аннотация

В его королевстве царит вечная зима – наследие древнего проклятия, вымораживающего не только земли, но и души. Его сердце, как говорят шепотом, выковано из льда – осколок трагедии, застывший во времени. Ивар, Ледяной Король Нордланда, – властелин умирающего мира, чья магия – одновременно и дар, и клетка. Отчаяние толкает его на безумный шаг: похитить ту, что рождена под щедрым солнцем Юга.

Элиза, принцесса Авалона, – воплощение света, тепла и жизни, далекая от северных теней и холода. Ивар видит в ней лишь ключ, последнюю надежду, инструмент для спасения своего народа. Он бросает ее в хрустальную клетку своего ледяного замка, не ожидая, что ее свет начнет плавить не только иней на стенах, но и лед, сковавший его собственную душу.

Погрузитесь в мир суровой красоты Севера, где любовь расцветает вопреки льду, а страсть обжигает сильнее мороза. История о похищении, ставшем спасением, и о монстре, в чьих глазах отразилось солнце.

Содержание

Глава 1: Золото и Лёд	6
Глава 2: Хрустальная Клетка	9
Глава 3: Голос Севера	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ghenadii Eni

Похищенная Невеста Короля

В его королевстве царит вечная зима – наследие древнего проклятия, вымораживающего не только земли, но и души. Его сердце, как говорят шепотом, выковано из льда – осколок трагедии, застывший во времени. Ивар, Ледяной Король Нордланда, – властелин умирающего мира, чья магия – одновременно и дар, и клетка. Отчаяние толкает его на безумный шаг: похитить ту, что рождена под щедрым солнцем Юга.

Элиза, принцесса Авалона, – воплощение света, тепла и жизни, далекая от северных теней и холода. Ее мир пахнет жасмином и медом, а не льдом и кровью. Но древнее пророчество гласит: лишь чистое сердце южной девы способно растопить вековую мерзлоту и вернуть жизнь в Нордланд. Ивар видит в ней лишь ключ, последнюю надежду, инструмент для спасения своего народа. Он бросает ее в хрустальную клетку своего ледяного замка, не ожидая, что ее свет начнет плавить не только иней на стенах, но и лед, сковавший его собственную душу.

Из страха рождается любопытство. Из ненависти – опасное, запретное притяжение. В ледяных глазах своего похитителя Элиза начинает различать не только жестокость, но и

бездну одиночества, невыносимое бремя власти и отголоски страшной потери. Но их вынужденная близость пробуждает не только чувства, но и врагов. Тьма внутри самого Ивара и лорды, жаждущие власти во мраке, готовы разорвать этот хрупкий, невозможный союз.

Древнее пророчество требует не просто любви – оно жаждет жертвы, слияния несовместимого, танца льда и пламени на самом краю гибели. Сможет ли свет Элизы проникнуть сквозь вековую стужу сердца Короля? Готова ли она заплатить цену за спасение чужого мира... и своей любви? И что страшнее: вечная зима снаружи или оттепель внутри, грозящая разрушить все до основания?

Погрузитесь в мир суровой красоты Севера, где любовь расцветает вопреки льду, а страсть обжигает сильнее мороза. История о похищении, ставшем спасением, и о монстре, в чьих глазах отразилось солнце.

Генадий Алексеевич Ени
2025

Глава 1: Золото и Лёд

Золото Авалона плавилось в воздухе. Оно текло по мрамору террасы, дрожало в знойном мареве над цитрусовыми рощами, вспыхивало искрами на изумрудной листве жасмина, чей дурманно-сладкий аромат смешивался с терпкой свежестью далекого моря. Элиза, принцесса этого полуденного царства, в платье цвета первого рассветного луча, стояла на границе света и тени, подставив лицо ветру – живому, теплому, пахнущему пылью и обещаниями. Она слушала смех младшей сестры, доносившийся из лабиринта роз внизу, – беззаботный, как песня иволги, – и думала о предстоящем бале у лорда Тариена. О кружевах, что лягут на плечи, о новой мелодии для лютни, пальцы уже вспоминали ее переливы. Будущее. Оно казалось таким же незыблемым и щедрым, как это солнце, таким же предсказуемым, как смена времен года в ее благословенном краю. Жизнь – предвкушение счастья.

Тень упала без предупреждения. Не предвещаемая облаком, не рожденная закатом – чужеродная, плотная, выпившая свет и тепло из воздуха вокруг. Ледяное дыхание коснулось обнаженной кожи шеи, и прежде чем разум успел облечь предчувствие в мысль, пальцы – твердые, как вековая изморозь, безжалостные, как капкан – сомкнулись на ее запястьях. Не крик – хриплый, короткий вдох, вырвавшийся

из самых легких, укравший остатки тепла. Мир накрылся, золото рассыпалось осколками.

Она обернулась, рывком, инстинктом пойманной птицы. И слова умерли, не родившись. Он. Ледяной Король. Ивар Нордландский. Сказка для запугивания непослушных детей, оживший северный кошмар, стоял там, где мгновение назад играло солнце. Высокий, несокрушимый, как утес во льдах. Облаченный в черноту беззвездной ночи, расшитую серебряной нитью, сплетавшейся в узоры инея на мерзлом стекле. Плащ из меха полярного волка, белый, как свежавыпавший снег, казался не согревающим покровом, а саваном. Лицо – высеченное из голубоватого льда гениальным, но безжалостным скульптором. Безупречные черты, лишённые жизни. И глаза... О, бездна в тех глазах! Цвета застывшего горного озера, где отражается лишь пустое небо. Не холодные – мертвые. Лишённые гнева, жадности, любого человеческого чувства. Лишь абсолютная, незыблемая воля, древняя, как сами горы Севера. И еще – едва уловимый запах озона, как перед грозой, и тонкий, почти неразличимый аромат мерзлого камня.

«Принцесса Элиза», – голос его был глухим эхом, рожденным в ледяных пещерах, каждое слово – обточенный льдом камень, падающий в тишину. Не вопрос. Приговор.

Страх – ледяная вода, затопившая легкие, парализовавшая волю. Но что-то иное, вбитое годами тренировок, уроками этикета и осознанием своего имени, заставило ее выпря-

мить спину, вскинуть подбородок. «Что... что вам угодно, Ваше Величество? Вы вторглись во владения моего отца». Она попыталась высвободить руки, но его хватка была подобна стали, ледяной даже сквозь тонкую вышивку его перчаток. Ощущение этого холода пробирало до самых костей, замораживая кровь.

Он чуть склонил голову, и в ледяной глади глаз на мгновение отразился свет – или это была лишь игра теней? «Мне угодно вы, дитя южного солнца. Вы – мой ключ».

Ключ? От чего? К чему? Абсурдность фразы звенела в ушах. Но времени на вопросы не осталось. Земля ушла из-под ног, словно провалившись в бездну. Тепло исчезло, схлопнулось, замененное всепроникающим, удушающим холодом. Озон стал плотным, почти осязаемым. Золотой свет Авалона сжался в точку и взорвался мириадами сине-белых игл. В последнюю секунду перед тем, как поглотила тьма, Элиза увидела его лицо – бесстрастное, как у изваяния забытого бога зимы, и над ним – россыпь незнакомых, острых, безжалостно ярких звезд. Солнце ее мира не просто погасло – его украли.

Глава 2: Хрустальная Клетка

Возвращение было медленным погружением из небытия в холод. Не просто отсутствие тепла – активный, агрессивный мороз, проникающий сквозь кожу, сквозь плоть, к самому сердцу. Он пах древним льдом, снегом, что никогда не тает, и едва уловимой ноткой... застоявшегося времени. Тишина. Не отсутствие звука, а его намеренное подавление. Плотная, звенящая пустота, в которой собственное дыхание казалось оглушительным, а далекий, протяжный вой ветра за стенами – плачем умирающего мира.

Элиза заставила себя открыть глаза. Веки были тяжелыми, ресницы, казалось, смерзлись. Над ней – сводчатый потолок немислимой высоты, сложенный из гигантских, полупрозрачных блоков льда, сквозь которые сочился призрачный, мертвенно-голубой свет. Он играл на стенах, испещренных искусной резьбой – сцены давно минувших эпох: титанические битвы людей и ледяных исполинов, крылатые чудовища, парящие в снежных вихрях, процессии суровых фигур в шлемах, склонившихся перед алтарями из черного камня. Величие, от которого перехватывало дыхание. И ужас. Комната? Нет. Мавзолей. Усыпальница надежды. Хрустальная клетка, безупречная в своем ледяном совершенстве.

Она обнаружила себя на огромной кровати, погребенной под горой мехов – песцовых, волчьих, соболиных – тяже-

лых, пахнувших диким зверем и холодом. Легкое аваллонское платье исчезло. Вместо него – темно-синий бархат, тяжелый, плотный, с искусной серебряной вышивкой у ворота и на обшлагах, изображавшей переплетение терновых ветвей и снежинок. Одежда грела, но это был чужой, мертвый жар, неспособный противостоять вечной мерзлоте, исходившей от стен, от пола из полированного серого камня, от самого воздуха, который, казалось, можно было разбить, как стекло.

С трудом сев, кутаясь в меха, Элиза огляделась. Массивный стол черного дерева, чья поверхность была холодна на ощупь. Кресла, обитые шкурами снежных барсов, их пустые глазницы, казалось, следили за ней. Исполинский камин – темный, холодный зев, не знавший огня, возможно, целую вечность. Окна – высокие, как в храме, затянутые изнутри сложнейшим узором инея, похожим на застывшее кружево. Сквозь редкие проталины виднелся мир за стеклом: бесконечная белая пустыня под свинцовым небом. Ни единого пятнышка цвета, ни намек на солнце. Лишь ветер гнал поземку, словно белых призраков, по бескрайнему снежному савану. Тоска, острая, как осколок льда, вонзилась в сердце. «Где я? Что это за край проклятых?»

«Ключ...» Слово Ивара эхом отозвалось в ее сознании. Ключ от этой ледяной преисподней? Или ключ для нее? Гнев, холодный и ясный, вытеснил страх и растерянность. Она – Элиза Аваллонская, дочь Солнечного Короля. Она не

сломлена. Она не станет игрушкой в руках безумца, пусть и облеченного властью над этим царством смерти. Она найдет выход. Она вернется к свету. Должна. Иначе этот холод поглотит ее без остатка.

Тяжелая дверь, окованная серебром, отворилась почти беззвучно, явив на пороге невысокую женщину в сером шерстяном платье. Лицо ее было испещрено сетью морщин – след долгих зим и скудного солнца, но глаза, выцветшие, как летнее небо перед дождем, смотрели на Элизу с неожиданным, почти болезненным сочувствием. В руках она держала простой деревянный поднос: дымящаяся глиняная миска, ломоть темного, плотного хлеба, маленький глиняный кувшинчик. Аромат горячего мясного бульона – густой, насыщенный, с нотками диких трав – ударил в нос, вызвав спазм голода.

Женщина вошла, ее сапоги из мягкой кожи почти не скрипели по каменному полу. Поставив поднос на стол, она помедлила, словно решаясь. «Хельга», – представилась она тихо, ее голос был низким, чуть надтреснутым, как старое дерево. «Приказано служить вам, принцесса. Поешьте. Силы... они вам понадобятся здесь». В ее взгляде Элиза увидела нечто большее, чем просто сочувствие – тень знания, глубоко запрятанный страх и проблеск... стойкости? Это была первая живая душа в этом царстве льда. И Элиза ухватила за этот взгляд, как за спасительную нить в ледяном лабиринте.

Глава 3: Голос Севера

Время здесь текло иначе. Неумолимо и вязко, как смола на морозе. Дни не отличались от ночей – лишь сменой караула за дверью да оттенком серого неба за окном. Элиза поняла: ее комната – не просто покои, а самая надежная темница. Но бездействие убивало ее вернее холода. Она заставляла себя есть безвкусную, но сытную северную пищу, которую приносила молчаливая Хельга. Она задавала вопросы, но служанка отвечала уклончиво, ее глаза то и дело испуганно стреляли в сторону двери. Лишь однажды, когда Элиза спросила о проклятии, Хельга прошептала, почти не разжимая губ: «Зима пришла в души, принцесса, не только на землю».

На третий или четвертый день – кто считал эти серые клоны друг друга? – ее вновь потребовал к себе Король. Ледяная рука страха сжала сердце, но Элиза вдохнула стылый воздух и расправила плечи. Она облачилась в предложенное Хельгой платье – тяжелый бархат цвета запекшейся крови, с высоким воротом, скрывавшим уязвимую шею. Оно грело тело, но сковывало душу, напоминая о ее положении.

Путь к тронному залу был пыткой. Бесконечные коридоры, где эхо шагов тонуло в ледяной тишине. Стены, увешанные потемневшими от времени гобеленами, на которых застыли сцены древней жестокости: воины в рогатых шлемах,

сражающиеся с многоглазыми тварями из снега; женщины, бросающие младенцев в пасть ледяного дракона; король с лицом Ивара, пронзающий мечом солнце. Воздух был неподвижен, пах вековой пылью, холодом и едва уловимым металлическим привкусом магии. Стражники в волчьих шкурах поверх стальных кирас стояли неподвижно, как изваяния, их глаза под сталью шлемов были пусты и слепы. Элиза пыталась запомнить путь, но ледяной лабиринт, казалось, менял очертания за ее спиной.

Тронный зал. Он был огромен, как нутро замерзшего гиганта. Высокие стрельчатые окна, забранные пластинами цветного льда – синего, фиолетового, зеленоватого – пропускали скудный свет, который разбивался о полированный черный пол мириадами холодных бликов. Тишина здесь была абсолютной, давящей. И в дальнем конце, на базальтовом возвышении, стоял трон. Не из льда – из черного, как сама пустота, обсидиана, испещренного прожилками застывшего серебра. Он поглощал свет, казался не символом власти, а зияющей раной в сердце этого мира.

Ивар сидел на нем. Прямой, неподвижный, часть этого ледяного великолепия и ужаса. Сегодня на нем был камзол цвета грозового неба, серебряные застежки ловили тусклый свет. Белый плащ ниспадал с плеч, создавая иллюзию крыльев спящего хищника. Он не повернул головы, когда она вошла, лишь глаза – два осколка полярной ночи – впились в нее, отслеживая каждый шаг.

Она остановилась, чувствуя себя песчинкой перед вечностью. Легкий реверанс – дань не ему, но своему воспитанию. «Ваше Величество? Вы желали меня видеть?» Голос прозвучал глухо в мертвой тишине, но не дрогнул.

«Да, принцесса», – его голос, казалось, шел не из горла, а из самых недр этого ледяного дворца. Он поднялся, и его фигура мгновенно заполнила собой пространство, подавляя. «Время пришло для ответов. Тех, что я сочту нужным дать».

«Меня интересует лишь один ответ», – дерзость родилась из отчаяния. «Когда вы вернете меня домой?»

Что-то мелькнуло в глубине его глаз – тень усмешки, замерзшей на губах прежде, чем родиться. «Никогда. Если только зима не отступит из моего сердца. И из моего мира». Он медленно сошел с помоста, звук его шагов поглощался камнем. Он остановился слишком близко, нарушая невидимую границу ее пространства. От него пахло морозом и... одиночеством. Таким древним, таким всеобъемлющим, что у Элизы перехватило дыхание. «Мой народ умирает, принцесса Элиза. Проклятие – древнее, как эти горы – пьет тепло из нашей земли, из наших душ. Каждый год зима длится дольше. Каждый год ледник подползает ближе к последним теплым очагам. Скоро останется лишь лед и тишина». Его голос был ровным, лишенным эмоций, и от этого звучал еще страшнее. «Наши предки искали спасения. И нашли... пророчество. Единственную строку в манускрипте, пережившем огонь и время. 'Свет Юга придет с девой королевской крови,

и чистота ее сердца растопит лед, сковавший душу Севера'». Он обвел рукой зал. «Вы – этот свет, принцесса. Вы – наша последняя, отчаянная надежда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.